

* * *

Мне снился сон: зима, босые ноги,
расхристанный ветрами Петербург;
там вечный снег разлегся на дороге...
Дом, лестница, перила, небо... Вдруг –
я вниз смотрю. А там – дворы-колодцы;
и стук копыт, и Невский – за углом...
Который год – январь, и нету солнца.
И в битве столько наших полегло
за золото сентябрьского разлива,
за звонкую весеннюю капель...
Я календарь листаю торопливо:
зима, зима, зима... забыт апрель -
расстрелян был в октябрьском переулке.
Я вниз смотрю. Я вижу сон: разбит
весь механизм часов. И только гулкий
на колокольне звон... Спас – на крови...
Легчайшим перышком на землю – время...
Морозный воздух чист и невесом...
Слова молитвы снегопад прогрели –
возможно, будет март... Мне снился сон.

* * *

Эти умные мальчики с крепким словарным
запасом,
что бесстрашно в атаку рвутся всем смертям /
всем чертям назло...
На груди – Че Гевара, в наушниках –
«Сектор газа».
Пуля-дура – понятно, случайно опять повезло.
А затем – ренессанс тоски и триумф бессонниц.

Безутешной рыбой становится вдруг песок.
Ни елейный тон, ни надрывный хор богомолиц
не уменьшат боли. И снова вишнёвый сок
на седом снегу. И опять беспощадна память
для солдат, что в небесном /

земном строю своём до конца.
На ладони – жизнь. Остаётся взлетать
или падать,
погружаясь в облако страсти / печали /
забвения / веры / свинца...

* * *

Мы войну объявим только завтра
на рассвете, когда солнце всходит.
...На муку талоны, спички, сахар
и моя записка на комод.
Добровольцем ухожу – смотрите –
в регулярные войска санчасти.
Занимай места в партере, зритель:
я спасаю раненое счастье,
извлекаю день из-под обломков.
...Красный мак и белые одежды...
Бинтовать разлуку так неловко,
так туга повязка – струны режет.
Приручив дыханье тёплых пальцев,
ощущаю боль как неизбежность.
В организме убывает кальций.
В перестрелке убивают нежность.
После взрыва – гулкое затишье,
крика своего уже не слышу.
Вспоминаю лето: вишни, вишни,

и закат багровым соком вышит.
Пусть зима забьёт крест накрест ставни,
осень взглядом мой состав проводит.
Я уйду внезапно, но оставлю
для тебя записку на комодке.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось – земля кровотоцит.
Тих Господь... Только он с креста
видел мир без прикрас и фальши.
Ветер укусом жёг уста,
шли иуды победным маршем.
Сквозь меня прорастет трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
чтоб разлиться немую болью...

* * *

Остаётся всего лишь молиться и ждать,
что метель не собьёт нас с дороги.
Опускается снег на зеркальную гладь,
словно конь на усталые ноги.
Расколосось стекло, и растрескались дни –
ни к чему фолианты столетий.
Снова цирк «Шапито» зажигает огни,
за столом наливают по третьей...
А в мышинной стране в шесть-пятнадцать подъём.
Бутерброд, сонный чай – и на службу.
...За отвагу и смелость шестую нальём,
а седьмую, восьмую – за дружбу...
Всё метель и метель – прячь под шапкой глаза,
прячь улыбку, и чувства, и муку.
Заметает зима запредельное «за»,
колыбеля печаль и разлуку.
Остаётся искать эту тонкую грань.
Сумасшествие... Сумрак... Расплата...
Снова Книгу всех книг не спеша пролистай
от эпиграфа – и до заката.
Сердце бьётся о лёд – значит, будет весна,
хлынут ливни из скважин замочных.
И полковник дождётся из дома письма,
чтоб читать его вслух между строчек.
Остаётся всего лишь молиться и жить,
свято веруя – время излечит...
Но пульсирует Вечности тонкая нить
неподкупно, бесстрастно, беспечно...

* * *

Я была три тысячи лет вперёд.
Я вернусь, чтобы стать, может, Жанною д'Арк.
А про смерть перевозчик бесстыдно врёт,
особенно подле девярых врат.
Бесконечность свернулась змеёй во мне.
У фантазии сотни причудливых веток.
Я растворяюсь огнём в огне –
отыщите меня в лабиринте клеток.
Я тянусь к земле через толщу небес:
только сверху крест – словно крыльев взмах.
Моё поколение вечных невест
нарушает привычного хаоса крах.
Я – непридуманная кладёшь цитат
из книг ненаписанных, изгнанных, лишних
о героях из Римов, Парижей, Итак
(время в утиль ваши подвиги спишет)...
Но песок бережёт все ничьи следы,
верность ветрам перемен храня,
чтобы, выйдя однажды водой из воды,
в нём осталась незримо и моя ступня.

* * *

Срывали дверь с петель, вводили боль
под кожу века, вены обескровив.
И с чутким ветром приносил прибой
нам уготованные свыше роли.
Гордились чувства связанностью рук,
стенали струны, превратясь в осколки
серьёзных нот, что начали игру,
чтоб завершить её аккордом звонким.
Привычно вечность выла в проводах
седой волчицей с воспалённым взглядом,
и голову склонял на плоскость плах
послушный снег, решив, что так и надо.
А вечер плавился, как жёлтая свеча,
очерчивая глупый профиль окон.
И в реку времени вливался час
упрямым, но беспомощным потоком,
чтобы разрезать зыбкий циферблат
на узкую печаль лимонных долек.
Небесный свод опять встречал закат,
к началу промотав столетий ролик.

ПОПЫТКА ПРЕДСКАЗАНИЯ

(...до нашей эры)

Будет холодно первые двести лет.
После – боль и разлука войдут в привычку.
На ресницах – иней, в ладонях – снег,
только каждое утро на перекличку

ты торопишься, словно уже вот-вот,
не сегодня-завтра наступит лето,
и неожиданным гостем рассвет придёт,
и своё откроешь кому-то небо.

Время новой сказке напишет речь:
«Это – пудинг, Алиса, а это – сердце...»
От него нельзя ничего разгнать
(я – не Данко) – можно слегка погреться.
Будет холодно первые двести лет.
Сохраняйте спокойствие в катакомбах.
Да пребудет в тёмном тоннеле свет,
пусть река застыла недугом в тромбах.
Береги себя на крутых виражах.
Двести лет – подумаешь – разве много?!..
...на устах, замёрзших, слова дрожат,
да пугают вздохи единорога.

* * *

Говорят, ещё есть стихи,
как случаются пилигримы,
как сгущаются сквозняки,
как сгорают мосты и Римы...
В стихолетье своё окно
распахнула, как будто душу.
В дом внезапно влетел Никто
или Некто, покой нарушив.
Он мой чай беспардонно пьёт
и моим хрустит рафинадом.
Без него мой грустит блокнот.
Мне, как воздух, его... не надо.
И крошатся на рифмы дни,
а от слов разбухают строчки.
В этом городе мы одни.
В этом смысле не нужно точки.
Алый соус залил восток –
будет ветрено беспредельно.
Нам для храбрости грамм по сто
иль по триста, на самом деле,
чтобы вынырнуть из пучин
алфавитной головоломки,
проездной билет получив
до разлуки без остановки.
Кровь подпорчена голубым,
а чернила – багрово-красным.
Из Тургенева – «Новь» и «Дым»,
а из Гаршина – грусть да сказки.
Тихопутно бредут слова,
расточая молчанье миррой.
Опечатка, сюжет глава
правят чувствами – майна, вира...
Только пялятся сквозь стекло
недоверчивой прозы тени:

с куполов их уже давно
рифмы листьями облетели...

* * *

Спаси вас Бог, мои друзья,
разбросанные по планете.
Сегодня на планете – ветер.
И о прогнозах вслух – нельзя.
Храни Господь всех вас, простых
и сложных, и молчащих всеу,
чтоб в перезвонах Аллилуйя
родился чей-то новый стих.
Поверьте мне: я помню всех,
легко даривших смех и слёзы,
рифмосплетений передозы
и тишь в эфире среди помех.
Так хочется порой стереть
свою нечаянную память,
чтоб горький груз потерь оставить –
чтоб не позволить вам сгореть
от тонкостенной острой боли
за то, что вы всегда в ответе –
за мир в дому и белом свете,
за игры на чужом престоле,
за то, что (трудно взять мне в толк)
мы в разных оказались стаях...
Твержу, страницы лет листая:
Храни вас Бог, храни вас Бог...

* * *

Мороз узор наносит на запястья
изрезанных дорогами мостов.
И сердце разрывается на части...
Холодной водки – обжигающей – по сто!
Молчи! Молчи, как раньше. Слишком поздно
Америку на карте открывать.
Сегодня слишком остро, слишком звёздно.
В эфире – тишь, как в море, – тишь да гладь.
И только писк крылатых SMSок.
И только вечер тёплым молоком
налит в кувшин. И времени отрезок
уже истёк пред роковым броском.
Дров наломать – нехитрая затея.
Пускай горит моей души костёр.
Пока сильна я слабостью Антея,
мне не дано понять твоих земных оков.
Я исцелю дождём свою простуду.
Отправлюсь за три моря на рассвете.
Твое отсутствие – молчи! – приму, как чудо,
как тишину на старенькой кассете.

я построю поэтам ковчег: каждой строчки – по паре,
каждой рифме – попутчик и каждому слову – певец...
где-то падает медленный снег, хвалит сладкую дыню татарин,
лето плачется в тучи, пастух собирает овец...
за спиною – рюкзак, ещё дальше – солёные волны,
на вершине Медведя-горы без прописки живут облака...
равнодушно встречает вокзал, без эмоций проводит... но полно –
безголосы стихи до поры и бескрылы пока...
бесполезны всенощные споры и шорох за печкой,
где в убежище верит наивно народный сверчок...
эта зыбкая точка опоры, горячие речи:
приходилось уже коллективно – огнём и мечом...
длится каменный век, уж который по счёту?! создатель
слово «вечность» опять набирает нетвёрдой рукой.
я не верю в эфир без помех, что под маской героя предатель
никогда не скрывается, «ять» без сраженья ушла на покой...
я не верю... и бревнышко к брёвнышку ценною ношей
собираю изученный вдоль /поперёк алфавит.
выпить лето до донышка, рухнуть – волнением скошен,
это страшно, когда у поэта внутри не болит.
или странно... медпункт на ковчеге – пустая затея,
ни к чему чёрно-белый покой, где молчанье кладут на весы.
...а поэты, как птицы, на юг, взявшись за руки, улетели,
и господь помахал им рукой, улыбаясь в седые усы...